

УДК 81'22

**ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ: КУЛЬТУРА РЕЧИ, ЯЗЫКОВАЯ,
РЕЧЕВАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СРЕДА****В. В. Волков**Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье утверждается, что в современных условиях в качестве приоритетных качеств культуры речи взрослого носителя языка следует рассматривать не правильность и чистоту, а информативность и уместность; характеризуется филологическая экология как междисциплинарная область знаний и практики, конечные объекты которой – экология сознания и экология человека, а конкретные предметы – языковая, речевая и лингвистическая (метаязыковая) среда.

Ключевые слова: *экология, русистика, филологическая экология, окружающая среда, культура речи, школьная грамматика, экология человека, экология сознания.*

Проблематика *культуры речи* как научной дисциплины и ее прикладные лингводидактические задачи к настоящему времени достаточно хорошо проработаны. Исключение составляет, пожалуй, лишь остающийся спорным вопрос об иерархизации качеств *хорошей речи* в зависимости от уровня владения языком. В типичном случае основные качества исчисляются в следующем порядке: правильность (нормативность), чистота, понятность и доступность, точность, логичность, уместность, богатство и выразительность. В данном списке, который в различных вариантах представлен во множестве учебников и пособий, существенно отметить два момента.

Во-первых, **правильность** (нормативность, а вместе и вслед за ней и **чистоту**) целесообразнее для достаточно взрослых носителей языка (в том числе для студентов-первокурсников) ставить не на первое, а на «нулевое» место – как предварительное условие **всякой** культуры речи. Из этого следует, что обучение собственно «правильности», освоение и/или повторение «норм» не может быть основной целью работы по культуре речи, но лишь некоей исходной, предварительной задачей, которая в идеале должна решаться на школьной скамье, а затем рассматриваться лишь в режиме повторения и дополнения сведений / компетенций, уже имеющихся у школьников, студентов или профессионально зрелых специалистов.

Во-вторых, наиболее существенными для достаточно взрослых носителей языка с более или менее качественным «школьным» образованием является вовсе не правильность в смысле соответствия нормам, но **информативность** и **уместность**.

Информативность как сообщение реципиентам (слушающим или читающим) относительно нового, ранее им не- или малоизвестного и одновременно относительно ценного для них, по нашему убеждению, следует считать важнейшим качеством речевой культуры. Бессодержательность – огромная беда не только обихода (слишком долгие беспредметные разговоры исключительно с целью поддержания межличностного контакта), но и других речевых сфер, например, политической, когда из уст самых разных политиков звучат одни и те же общие фразы в духе

«Ребята, давайте жить дружно» (ср. знаменитый тавтологический лозунг советских лет «Экономика должна быть экономной»), педагогической, когда некоторые преподаватели попросту воспроизводят – вплоть до ситуации «слово в слово» – тексты учебников и пособий, хорошо известных и абсолютно доступных студентам (при этом особо ехидные студенты в режиме он-лайн читают тот же текст из Интернета), экономической, когда как заклятие с незначительными вариациями повторяются слова о необходимости «высоких технологий» и повышении производительности труда (ср. явно игривый, если бы не его серьезное позиционирование, лозунг «Нано для бизнеса, нано для жизни»), научной, когда из одной статьи в другую разные исследователи воспроизводят мысли предшественников и друг друга, сводя «новизну» лишь к вариантам формулировок общеизвестного. Следуя этим «антиобразцам», и студенты склонны считать, что культура речи – это «красивоговорение» об общеизвестном, с чем соглашаться едва ли целесообразно.

Уместность, в соответствии с внутренней словообразовательной формой данного термина «у (подходящего) места», «к месту», – это соответствие речи целям и условиям общения, то есть соответствие содержания и речевого оформления *информативно ценной* речи, во-первых, личности говорящего / пишущего (*кто* говорит / пишет), во-вторых, аудитории (*с кем*), в-третьих, содержанию (*о ком-чем*), в-четвертых, с какой целью (*зачем*) ведется речь. Иными словами, существо уместности как качества хорошей речи в том, что разные люди (*кто*), с разными людьми (один и тот же *кто* – но разные *с кем*), на разные темы (один и тот же *кто*, одни и те же *с кем* – но разные *о ком-чем*), с разными целями (один и тот же *кто*, одни и те же *с кем*, одно и то же *о ком-чем* – но разные *зачем*) – говорят *по-разному*.

Прочие качества хорошей речи «прилагаются» к двум названным основным как их необходимые дополнения. Считаем целесообразным особо подчеркнуть, что без информативности и уместности все остальные качества хорошей речи, от правильности до богатства и выразительности, оказываются лишены смысла, подобно тому как «лишен смысла» хорошо одетый и хорошо воспитанный, но лишенный существенного внутреннего содержания человек.

Считается, что в современную эпоху, которую обычно характеризуют эпитетами *информационная* или *постинформационная*, люди якобы страдают от переизбытка постоянно обновляющейся информации, количество которой увеличивается в геометрической прогрессии. Думается, это утверждение очень далеко от действительности. Растет количество *сведений* и «текстов», которые либо бесконечно дублируют друг друга, либо представляют собой варианты одного и того же, либо являются не или малосущественными, то есть лишены новизны и/или ценности. **Деградация содержания** поступающей либо потенциально доступной «информации» – вот беда современной эпохи как «информационной». Иными словами, отсутствие подлинной новизны, информативности как личностной и социальной *ценности* огромного массива разнообразных «текстов», «производством» которых занимается современная культура (подробнее см. в нашей работе: [6]). Полезно осознать, что не через сто или хотя бы десять лет, но даже через год или месяцы от очередной «новой» лавины якобы «информации» остаются микроскопические доли процента. Но в сиюминутном любопытстве эта лавина многих захлестывает; вместо того чтобы постоять в сторонке и обратиться к тому микроскопически малому достойному, что останется после ее очередного схода, они оказываются погребенными.

Количественные накопления «сведений» совсем не обязательно приводят к *позитивным* качественным *информационным* изменениям (к изменениям состава и структуры когнитивных пространств [5]), – зачастую наоборот. Подобно тому как

всевозрастающее количество потребляемых товаров и услуг вовсе не обязательно приводит к повышению качества жизни (скорее, к замусориванию окружающей среды и к разрушению человека как биологического существа, оказывающегося в искусственной техногенной среде и вне ее к выживанию не способного), так и всевозрастающее количество лишенных содержательности и новизны «сведений» (не *информации* в собственном смысле слова) ведет к «замусориванию» пространств индивидуального и коллективного сознания. Удачно характеризовал эту современную ситуацию В. В. Биbihин: «Если бы человеческое творчество прекратилось, то через 100 лет хранили бы, продавали, учили только классику» [3, с. 202]. Отсюда настоятельная потребность – осмыслять и по возможности выстраивать свое будущее не столько как «информационное», сколько как *экологическое*, поскольку именно отношение к «дому» (напомним: *эко-* – из др.-гр. *oikos* ‘дом, жилище, жильё’) окружающего мира, а ранее того к «дому» своего индивидуального и коллективного сознания, к его отчищенности от низких побуждений, в том числе от побуждений бессмысленного фантазирования и пустоговорения («пустословия» и «пустомыслия»), по Салтыкову-Щедрину), определяет возможность для человека отодвинуть апокалипсическое саморазрушение среды своего обитания и себя вместе с ней.

В этом утверждении нет ничего существенно нового, говорится об этом давно, много, по-разному, но с весьма сомнительными по позитивности социально-психологическими результатами.

С лингвокультурологической точки зрения, как показано, в частности, в монографической работе О. Н. Кушнир, одно из ярких языковых проявлений общей обеспокоенности экологической проблематикой – последовательное расширение круга терминов с префиксоидом *эко-* (*экобиология, экогенез, экодеятельность, экоклимат, экокультура, эколог, экологизация, экомониторинг, экоразвитие, экосистема, экосреда, экосфера, экотип, экофизиология, экофонд, экоцентр*), неологизмов различной степени узуализации / окказионализации (*библиоэко, геоэкосистема, политэкология, экоблогосфера, экогеосфера, экодвижение, эко-деревня, ЭкоДержава, экодом, экодух и экодуховность, экозоопарк, экоигра, экоинтеллект, экино, экоисследование, экосмический, эколлингвистика, эколитература, экокарьерера, эколличность, экомобиль* и мн. др.), терминологизированных словосочетаний с опорным сущ. *экология*, например: *экология города / мегаполиса / жилища / одежды / питания / человека / личности / культуры / младенчества / детства / образования / языка / разума / мысли / ноосферы / сердца / сознания / духа* и мн. др. [10, с. 100–101].

В филологическом дискурсе понятие «экология» применительно к филологической проблематике, как правило, связывают с ортологией как учением о «правильности» и, шире, с *культурой речи* в указанных в начале данной статьи основных ее качествах – от правильности до богатства и выразительности, синонимизируют с задачей «заботливого отношения к родному языку» (см., например, работу с показательным названием «Экология слова»: [15]). Проблемы *экологии сознания, экологии духа, экологии информационной среды* и подобные в работах по речевой культуре, как правило, не формулируются явно, их можно усмотреть скорее в подтексте, связанном с сугубой обеспокоенностью состоянием филологической фasetы нашей ноосферы, которое следует воспринимать как пребывание на грани «нервного срыва» [9].

Экологический дискурс тоже оставляет проблематику *экологии сознания, экологии личности* и смежные с ней социально-психологические и филологические вопросы либо вне поля зрения, либо на далекой периферии, как, например, написанный с позиций медицины «суммирующий» словарь-справочник со знаковым названием «Экология человека» [20] или авторитетная современная энциклопедия для

детей (том «Экология»), центрирующая внимание лишь на проблемах живой природы, на взаимоотношениях «между бесчисленными, находящимися в постоянном движении и развитии существами» [21, с. 5], в том числе в их взаимосвязи с миром людей. Совершенно очевидный исходный вопрос о том, что источник экологических и прочих наших бед – *состояние сознания* современного человека, которое трудно признать благополучным, впрочем, относительно регулярно поднимается в культуре и педагогике (см., например, профильный библиографический справочник: [19]). Это состояние вызывает продуктивную законотворческую озабоченность и государственных структур: трудно интерпретировать, например, направленность Федерального Закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [17] иначе, как нацеленность на сбережение душ подрастающего поколения.

Думается, необходимый вклад, который отечественная филология может и должна бы внести в важнейшую задачу *экологии сознания* и *экологии человека*, целесообразно соотнести с заявленным в названии данной работы термином *филологическая экология*. Специфические объекты филологической экологии и связанная с ними проблематика – *языковая, речевая, лингвистическая (метаязыковая) среда*, в суммарном прочтении – вся «текстовая» культурная среда, в которую погружен человек.

Современная *экология человека* трактует его преимущественно как биологическое существо, тогда как современное философское и лингвокультурологическое его понимание, нацеленное на синергетическое прочтение (подробнее об этом см. в нашей работе: [4]), – *биосоциодуховное* существо, ср. энциклопедическое толкование, отмеченное показательной иронией, обусловленной парадоксальной способностью человека – и только человека! – разрушать свою собственную среду обитания: «**Человек** – биосоциодуховное существо, способное активно действовать, приспособляться к обстоятельствам или изменять их в соответствии со своими нуждами, умеющее создавать предметы, каких нет в природе, формировать вокруг себя искусственную среду (цивилизацию) и самому же время от времени разрушать ее, чтобы затем приниматься за ее воссоздание и дальнейшее совершенствование» [2, с. 1024]. Чётко акцентировано, что человек многогранен, принадлежит и миру природы, и миру людей, и миру духа.

Д. С. Лихачев в заметке «О природе для нас и о нас для природы» писал: «Ибо живое обладает своими правами. Человек должен защищать права животных, независимо от того, нужны они ему в хозяйстве или нет. Дельфины, киты, слоны, собаки – мыслящие, но бессловесные существа. За них человек обязан говорить, писать, даже судиться. Потребительское отношение к живому в мире безнравственно» [11, с. 399]. В контексте наших размышлений о филологической экологии к этому целесообразно добавить, что язык – тоже часть природы (как *при-род-ы*), данная нам от *рода, рождения* и последующего становления личности в рамках семьи, общества и государства. «Потребительское отношение», то есть неосознанное (нерефлексивное, нерелексирующее), лишённое внутренней установки «на самоотчет», а значит, безответственное отношение к языку и речи как реализации языка в «живой жизни» столь же безнравственно, как и к другим «бессловесным существам». «За него», за наш язык мы тоже обязаны говорить, заступаться, оберегать и защищать его, а речью, самой способностью речи – дорожить. Но прежде всего – «экологически» понимать, что вне языковой, речевой и лингвистической (метаязыковой) среды мы существовать не можем, они – воплощенная (опредмеченная) *ментальная* среда, душевно-духовный микрокосм, опредмеченные в слове человек и народ, общество и государство.

В историко-философском контексте, связанном с *синергической антропологией* [18] как современным синтезирующим учением о различных духовных практи-

ках, А. В. Ахутин подчеркивает: «Человек – реальный микрокосм, не просто аналогия мира, а существо, актуально связанное со всем в мире – духовным и материальным – и потенциально всемогущее. <...> Человек ни с чем “натурально” не связан и одновременно магически вплетен в ткань космоса, он “квинтэссенция праха”, как скажет Гамлет, и “квинтэссенция четырех стихий космоса”, как определит его Парацельс, он Ничто и потенциально Всё» [1, с. 35]. Эта «потенциальность» человека определяется его способностью к естественному языку как универсальному семиотическому явлению. Говоря о человеке как «реальном микрокосме», мы неизбежно подразумеваем, что «реальный микрокосм» – это и человеческий язык; не только в его (языка) потенциальном, но и в актуальном бытии-в-речи есть буквально *Всё*, – нужно лишь это *Всё* в зеркале языка-речи постараться усмотреть.

Строго говоря, человек как микрокосм создается и поддерживается в этом качестве именно языком. Эта проблематика прорабатывается в известной теории «лингвистической относительности», но, пожалуй, лучше всего об обусловленности человека его языком еще в 30-е годы XIX века в работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» сказал В. фон Гумбольдт: «Человек преимущественно – да даже и исключительно, поскольку ощущения и действие у него зависят от его представлений, – живет с предметами так, как их преподносит ему язык. ...и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [7, с. 80]. О том же самом поэтически точно – Арсений Тарковский в стихотворении «Явь и речь»: «Не я словарь по слову составлял, / А он меня творил из красной глины...» [16, с. 164]. И он же в «Посредине мира», поэтизирующем антропоцентрическое восприятие сущего [Там же, с. 128]:

Я человек, я посредине мира,
 За мною мириады инфузорий,
 Передо мною мириады звезд.
 Я между ними лег во весь свой рост –
 Два берега связующее море,
 Два космоса соединивший мост.

Наука, культура и общество, как любой народ и любой человек (нужно добавить: и природа во всех ее проявлениях), – живы своим языком. В нынешнем, XXI веке все отчетливее осознается опасность бесконтрольного и беспринципного модулирования, вплоть до прямых манипуляций (см., например: [8]), сознания и поведения средствами языка. Одновременно осознается необходимость что-то манипулятивным воздействиям противопоставлять, как-то от них защищаться – во имя сбережения личностной свободы, национального своеобразия и государственной независимости в условиях современных археологических, идеологических, культурных – в целом *информационно-психологических* войн (см., например: [14]) как элементов современных глобальных «гибридных» войн, в рамках которых доминирующими выступают нелетальные виды воздействий. Однако никогда опасность информационного (семиотического, в том числе «филологического») манипулирования не была препятствием для имущих власть или рвущихся к ней, – манипуляции всегда были и остаются постоянно совершенствующимися практиками власти, практиками формирования особой семиотической, прежде всего филологической среды – языковой, речевой и лингвистической.

Разные виды эгоизма – группового, партийного, финансового, экономического, политического, потребительского и проч., – пытаюсь организовать семиотическую и/или филологическую (более привычный обобщающий термин – *информа-*

ционную) среду по соображениям выгоды или прихоти, поставили нас на грань национальной и глобальной духовной катастрофы, «катастрофы сознания» – личностного и общественного, предвестия вполне реального апокалипсиса, прежде всего в узком экологическом, «биологически-природном» смысле «конца света» как конца человеческой расы в ее нынешнем виде. Общество и государство оказываются лицом к лицу с задачей **экологизации филологической среды** – в целях сохранения духовных начал бытия. Отсюда следует необходимость разработки теории и практики *филологической экологии*, которая возникает на пересечении задач *прикладной филологии* с социальной и культурной экологией – в той их общей части, которую называют *экологией личности* (сознания, культуры) или даже *«экологией духа»*.

Только один пример. В современном русском языке слово *логос* принято трактовать через идентификаторы ‘понятие’ или ‘мысль, разум’, а в составе сложных слов – названиях наук (элемент *-лог-*) – через ‘наука’, ср. прямые этимологизации: *биология, психология* – «наука о живом», «наука о душе». Можно сожалеть, что в такой трактовке важные историко-философские, в том числе религиозно-философские, ассоциации утрачиваются, задается технократический, узко сциентистский контекст восприятия названия науки, а значит, в какой-то мере – всего ее содержания, формируется представление, что отдельные науки – королевства с труднопреодолимыми жесткими границами, а не части единого «пространства знания и понимания».

Восстановить контекст восприятия слова *логос* и элемента *-лог-*, достойный их скрытой энергии, – задача междисциплинарная и долговременная. Чтобы наметить контуры контекста, органичного для новой, «экофилологической», или шире – *экосемиотической* модели взаимодействия человека с миром, совсем не обязательно обращаться, например, к трудам отцов Церкви, к сложной трактовке понятия *логос* в русской православной традиции (где **Слово-Бог Слово** (*Λογος*) означает второе Лицо Святой Троицы, Сына Божия, как вечное Ипостасное Слово Божие), – достаточно актуализовать представление о начальном Божественном Смысле, который, развиваясь, «распаковываясь» [13] в культуре, подвергаясь поаспектной разработке в частных науках, сохраняет и обогащает свою гармоническую целостность.

Так, именно устремленность на восстановление целостности культуры побудила редакционный совет международного ежегодника по философии культуры «Логос», вышедшего в 1910–1914 гг. на нескольких европейских языках и с началом мировой войны прекратившего существование, предварить возрождающий его первый новый выпуск таким комментарием: «И все же, почему – “Логос”? Современного читателя могут оттолкнуть коннотации такого названия, ассоциации с антигуманной рациональностью сайентизма и технократии, тоталитаризма и бюрократического утопизма. Однако рациональность рациональности рознь. Так, в традиции, восходящей к античной идее “техне”, рациональное трактуется как искусственное (а значит, и насильственное) преобразование действительности. Традиция же, восходящая к античной идее “космоса” (а возможно, и восточного “Дао”), трактует рациональность как гармоническую целостность мира. Обе эти традиции являются воплощениями логоса. <...> Логос – изначальная рациональность мира, его разумность, в том числе и разумность, недоступная разумению человека: неразумный мир, лишенный логоса, непонятен и чужд» [12, с. 3–4].

Для школьников и даже студентов – разъяснение не самое доступное. В переводе на язык лингвистических терминов, обогатить ключевые понятия культуры их исконным смыслом – значит **актуализовать их внутреннюю форму**. Применительно к словам с элементом *-лог-* – толковать, например, названия наук с учетом той мно-

гозначности, которая связана в истории с лексемой *логос*. Думается, небесполезное будет упражнение, достаточно представить возможные варианты толкований через семантические этимоны *психо-логики* или *тео-логики*, *телеологии* или *топологии* и т. п.

Три составляющие *филологической среды* как базового фактора экологии личности и «экологии духа» – речевая, языковая и лингвистическая (понятийно-терминологическая, метаязыковая).

Речевая среда – это среда, в которую погружено наше «внешнее Я», – отдельные фразы, диалогические реплики и прочие речения и целые связные тексты, в которые мы каждодневно погружены и которые продуцируем сами, – от кухонных разговоров до вещания на миллионы.

Исходная задача «экофилологического» (*экосемиотического*) исследования различных речевых сред – найти **перечень** тех частных (коммуникативных, речевых, дискурсивных) сред, в рамках которых названные выше вопросы информативности и уместности, манипулятивной либо гармонизирующей направленности являются наиболее острыми в социально-психологическом, политическом, правовом или каком-либо ином значимом отношении. Не претендуя, разумеется, на сколько-нибудь внятную систематику, приведем лишь несколько примеров. Во-первых, *политика* с чрезвычайно острой проблемой «двойных стандартов» во всех сферах институционального взаимодействия, как внутригосударственного, так и международного. Во-вторых, *религия* и *идеология* с проблемами сакрализации, десакрализации и ресакрализации различных лингвокультурных концептов как глубинно-семантических факторов, явно и (чаще) неявно управляющих сознанием и поведением отдельного человека и различных социальных общностей – от семейных и иных микрогрупп до межгосударственных объединений, макроэтносов и цивилизаций. В-третьих, *педагогика* и *психология*, которые, как реальные практики личностного воздействия, основываются на субъективном произволе интерпретаций содержания человеческого «я» и целей его становления и развития. В-четвертых, *медицина*, речевая практика которой основывается на представлении о болезнях и необходимости выхода из них, – вместо представления о здоровье, путях и целях его совершенствования. Далее можно называть *право* (проблема правового сознания, правового поведения и способов речевого воздействия на них), *военное дело* (необходимость осознания войны как непреходящего состояния человечества), *экономику* (гедонистически-потребительский дискурс, связанный с массовым тиражированием установок на экспоненциальный рост производства и потребления), *массовую культуру* (установка на «производство текстов» *квазикультуры* в целях извлечения выгоды, нарциссического самоудовлетворения, развлечения) и т. д.

Языковая среда – это среда, в которую погружено наше «внутреннее Я», – накопленная нами, сформировавшая и продолжающая формировать нас языковая картина мира, то хранилище опредмеченных средствами естественного языка сенсорных, эмоциональных и понятийных феноменов, которым наше сознание пользуется, чтобы воспринимать и переживать, думать и действовать.

Лингвистическая (метаязыковая) среда – то теоретическое знание о языке и речи, которое внедряется системой образования и позволяет нам осмысливать свое и чужое речевое поведение, глядя на него «со стороны». Знание, обеспечивающее возможность рефлексии в душевно-духовной сфере, в науке и культуре, формирующее в нас способность к лингвистической критике и самокритике, умение взглянуть на любую речевую, дискурсивную ситуацию не изнутри, а извне.

Обращаясь к советским десятилетиям нашей истории, нетрудно увидеть, что еще задолго до прихода к власти, а тем более после того, как власть была захва-

чена, большевизм целенаправленно формировал особую речевую среду и выработывал особую языковую подсистему в рамках общенародного русского языка, – подсистему, которая со временем развилась в хорошо знакомый по советским временам «язык тоталитаризма», «советский новояз». Его назначение – модулировать черты личности «гомо советикуса», – в противовес предназначению любого национального языка формировать черты «целостного человека». Великолепной поддержкой в решении этой задачи стала почти с советских времен не изменившаяся «школьная грамматика», которая формировала и продолжает формировать сциентистскую, по самой сути своей «антигуманистическую» лингвотерминологическую среду, которая модулирует отношение к языку как объекту, внеположному человеку, – а не как к «субъекту» его сознания и деятельности, не как к средству формирования, развития и самовыражения личности.

Чтобы не смогли работать метаязыковые механизмы защиты ценностей традиционной (филологической) культуры, через систему обучения родному языку на протяжении всей советской истории насаждалось представление о филологии как науке, расчлененной на «языкознание» и «литературоведение» – с жесткими границами между ними (и якобы ограничивающейся ими, хотя объект филологии – не только и даже не столько художественная литература, но любые тексты / произведения на естественном языке). Родной язык «школьная грамматика» вынуждала и по сей день вынуждает воспринимать как формальный механизм, его базовые единицы «изучают», не знакомя с их значениями, – как набор каких-то пакетиков с трудноосмыслимыми названиями и малопонятным содержанием, – не давая заглянуть внутрь.

«Изучают» *грамматику* фактически как комментарий к *правописанию* – без *семантики*. Чтобы разъяснить существо этого противоречия, побеседуем о нем в условиях «как-бы-урока» на тему «*Грамматика или семантика?*» Наш предполагаемый учитель мог бы начать разговор так.

Грамматика – учение о языковых формах и структурах, *семантика* – учение о языковых значениях. В необходимости этого разъяснения – уже некий внутренний драматизм. Нас приучили, что язык – это скелет и кожа, грамматика и правописание. О том, что есть кровь и мышцы, нервы и сердце, языковые значения, *семантика*, – умолчали. Вернее, лишь намекали: великий и могучий...

Чем велик и чем могуч? Сердцем. Мыслью. Богатством языковых значений. Спрошу: какие языковые значения вы знаете? Существительное, прилагательное? Нет, это части речи. Подлежащее, сказуемое? Нет, это члены предложения. Именительный, родительный? Нет, это названия падежей. Синонимы и антонимы? Нет, это виды отношений между словами.

Много ли еще вы припомните из школьного курса родного языка? Орфография и пунктуация? Нет, это уже «кожа», добротность внешнего оформления.

Поэтому так трудно объяснять, что язык жив смыслами, которые и есть его тело. «Смыслам» нас не учили.

К примеру, есть такие значения – ‘субъект’ и ‘объект’. Но этих слов нет в школьной грамматике. Якобы эти слова детям «трудно» понять. И дети старательно запоминают: подлежащее – главный член предложения, обозначающий «предмет мысли». И еще: обычно выражается именительным падежом существительного. Что такое «предмет мысли»? Пользуясь сказуемым, мы что, не мыслим?

Сказуемое, как говорит, суммируя данные школьных учебников, словарь-справочник для учителей, – это главный член предложения, обозначающий активный или пассивный признак того предмета, который выражен подлежащим. Вот так. Оказывается, «признак» может быть «активным». Как говорится, покажите мне, как накормить голодного запахом, и я с вами соглашусь.

Попробуем определить эти понятия иначе. Подлежащее прежде всего обозначает **субъект** действия, речи или мысли. А **субъект** – это человек, который познает внешний мир (объект) и воздействует на него в своей практической деятельности. Субъект относится к миру не только как к данному извне, но и как к творимому им самим. Или другими людьми.

Будь моя воля, я бы так и назвал школьный курс – «**Семантика русского языка**». Грамматика – внутри. На то она и скелет. Без него не проживешь, но одними костями сыт и жив не будешь.

Вернемся к понятию **субъект** – одному из краеугольных камней всего здания семантики. Способы выражения этого значения – самые разные, как различны и роли человека в мире. **Я думаю**. Действительно, я это делаю сам. **Меня одолели грустные мысли**. Подлежащее – **мысли**, а субъект по-прежнему я – у мыслей в плену. **Мне сегодня хорошо думается**. Или: **Мне скучно**. Теперь я – субъект состояния. Я это состояние не звал, не искал, – само пришло.

А сколько у языка возможностей показать, что твое «я» не одиноко! **Когда бежишь, дыши ритмично**. Любого это касается. **Меня тоже**. **Так не делают**. **Никто** не делает. И говорим ребенку: ты, мой маленький, тоже так не делай. В этом (что ты там негодное натворил) будь как все: не делай так. Хорошим будь. Из этой же серии – авторское «мы» в научной речи: **мы полагаем, как мы уже говорили...** Кто это **мы**? На обложке – только одна фамилия. Но автор говорит не только от себя самого, – от имени некоего сообщества, содружества. И вовсе не прячет свое «я», просто дает понять, что оно всего лишь часть научного целого.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Опять **мы**. Пословица. Утешение: не ты один такой глупый, всем свойственно бывает. Надо бы исправиться.

Лингвистическая терминология без специальной нашей помощи «бессловесна», – как животные с их без «перевода» непонятным для нас языком. Она не может «вслух» сказать о своей живой душе – скрытой во внутренней форме слова-термина, в тонкой игре его смыслов. Должен кто-то помочь. Кто? В школе – учитель.

Возвращаясь к *подлежащему* и *субъекту*. Это элементы **взаимосвязанных** языковых и терминологических сред, соотносящиеся как этимон и калька, общее (логическое) и частное (лингвистическое). *Субъект* – из лат. *subjectus* ‘лежащий внизу, простирающийся у ног’ – от *subjicere* ‘подкладывать, подставлять; подчинять, покорять; подвергать, обречь, ставить в зависимость’ < *sub* ‘под’ + *jacere, jacio* ‘бросать, кидать, метать, швырять’. Отсюда *подлежащее* – не совсем «предмет», *лежащий* в основе твоей собственной мысли, это может быть «предмет», *подброшенный* в основание твоей мысли откуда-то извне...

Аналогично с *дополнением* и *объектом*. Внутренняя форма русского термина *дополнение* намекает на «полноту» ситуации, к которой ведет – *что? До полного* дополнение *дополняет* – *чем, как и зачем?* *Объект* – из лат. *objectum* ‘предмет, явление’ (букв. «лежащий, находящийся впереди») – от *objectare* ‘бросать навстречу, устремлять вперед’ < *obicere* ‘бросать вперед, устремлять’ < *ob-* ‘к, перед’ + *jacere, jacio* ‘бросать, кидать, метать, швырять’. Сему ‘вперед’ целесообразно прочитывать не только в пространственном, но и во временном смысле – как направление ‘вперед’ и ‘сейчас’, нацеленное на ‘дальше’ и ‘потом’. *Субъект* («подлежащее») в *дополнении* стремится к *полноте* как соединении пространств и времен.

Как видим, актуализации синхронной и этимологической внутренней формы (упражнения в *филологической герменевтике* применительно к лингвистической терминологии) позволяют получить элементарную основу для метаязыковой рефлексии, в рамках которой лингвистические термины оказываются не мертвыми словами, а живым инструментом для размышлений.

Подведем итоги. *Речевая среда* представляется феноменологически очевидной, но экологически опасные процессы в ней, коренящиеся в семантических явлениях, а не в тех орфоэпических «неправильностях» или лингвостилистических «недопустимостях», на которых центрирует свое внимание ортология, как правило, от внимания ускользают. Экофилологическим (экосемиотическим) проблемам окружающей информационной среды лишь изредка удается до нас достучаться («Да уберите наконец эту дебильную рекламу!»). *Языковая среда* – как отображение нашей картины мира, органически вплавленной в нашу ментальность, в стереотипы восприятия и действия, как стихия народного бессознательного, модулирующая личность, – требует специального эколого-филологического исследования. Наконец, *лингвистическая (метаязыковая) среда*, в которую оказывается погруженным ребенок с момента, когда его начинают в школе знакомить с системой родного языка – его лексикой и грамматикой, фонетикой и правописанием, – наиболее трудный объект для оценки с позиций экологии личности, сознания и «экологии духа». Пока эта среда предстает как результат последовательного, научного, якобы «объективного» исследования языка-объекта, и ее рационалистически-выхолащенный характер можно распознать разве что с позиций религиозно-трепетного отношения к слову как к «выразителю» и народной души, и Божьего промысла, и сатанинских соблазнов и происков.

Список литературы

1. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.
2. Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 1091 с.
3. Биbihин В. В. Лес (hyle) (проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии). СПб.: Наука, 2011. 425 с.
4. Волков В. В. Семантическое ядро концепта «Человек» в зеркале латинских и латинизированных именовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 83–92.
5. Волков В. В. Эвристики антиномий и моделей семантической памяти (модель «цепочки») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 146–154.
6. Волков В. В., Волкова Н. В. «Производство текстов» как проблема современной книжной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-1 (54). С. 33–36.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
8. Кара-Мурза С. Г., Смирнов С. Манипуляция сознанием-2. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 528 с.
9. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2009. 232 с.
10. Кушнир О. Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX–XXI вв.: вопросы динамической лингвоконцептологии. Сыктывкар: Коми респ. академия гос. службы и управления, 2012. 347 с.
11. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2014. 480 с.
12. Логос: Ленинградские международные чтения по философии культуры. Кн. 1: Разум. Духовность. Традиции. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 256 с.

13. Налимов В. В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.
14. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник / В. Б. Вепринцев, А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов; под ред. А. И. Петренко. М.: Горячая линия – Телеком, 2015. 496 с.
15. Скворцов Л. И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. М.: Просвещение, 2009. 208 с.
16. Тарковский А. А. Избранное. 1929–1979. М.: Худож. лит., 1982. 736 с.
17. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовое обеспечение. URL: <http://base.garant.ru/12181695/>. (Дата обращения: 23.02.2016.)
18. Хоружий С. С. Очерки синергической антропологии. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
19. Экология души, культуры и образования: библиографический список литературы / сост. П. Н. Логинова; Нац. библиотека Чувашской Республики. Вып. 7. Чебоксары, 2012. 12 с.
20. Экология человека: словарь-справочник / под ред. Н. А. Агаджаняна. М.: Экоцентр: КРУК, 1997. 208 с.
21. Энциклопедия для детей. Том 19. Экология / гл. ред. В. А. Володин. М.: Аванта+, 2001. 448 с.

PHILOLOGICAL ECOLOGY: VERBAL CULTURE, LANGUAGE, VERBAL AND LINGUISTIC ENVIRONMENTS

V. V. Volkov

Tver State University
the Department of Russian Language

The article puts forward the idea that in our time the richness of content and its appropriateness must be characterized as basic features of verbal culture, but not the correctness or purity; philological ecology is treated as an interdisciplinary area of scholarship and practice with the ecology of consciousness and the ecology of person being its final objects; specific subjects of philological ecology are language, verbal and linguistic (meta-language) environments.

Keywords: *ecology, Russian philology, philological ecology, environment, verbal culture, school grammar, ecology of person, ecology of consciousness.*

Об авторе:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

About the author:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.